

Easton, David (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. New York, London and Sydney: John Wiley and Sons Inc.

Ehin, Piret (2007) 'Political Support in the Baltic States, 1993—2004'. *Journal of Baltic Studies* 38 (1), pp. 1—20.

Gerner, Kristian and Stefan Hedlund (1993) *The Baltic States and the End of the Soviet Empire*. London & New York: Routledge.

Jurkynas, Mindaugas (2011) 'Lithuania' in *Political State of the Region Report*. Copenhagen: Baltic Development Forum.

Klein, Andreas, Ozolina, Zaneta and Rostoks, Tom (2011) 'Latvia' in *Political State of the Region Report*. Copenhagen: Baltic Development Forum.

Linz, Juan and Alfred Stepan (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Lühiste, Kadri (2008) 'Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia.' *Democratization* 15 (2): 297-320.

Lühiste, Kadri (2013) *Regime Support in European Democracies*. Tartu: University of Tartu.

Mattes, Robert and Bratton, Michael (2007) 'Learning about Democracy in Africa: Awareness, Performance, and Experience.' *American Journal of Political Science*, 51, pp. 191—217.

Norris, Pippa (1999) *Critical Citizens Global Support for Democratic Governance*. Oxford: Oxford University Press.

Rose, Richard, William Mishler and Christian Haerpfer (1998) *Democracy and its Alternatives: Understanding Post-Communist Societies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Rose, Richard (2005) *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004*. Studies in Public Policy 404, University of Strathclyde, Glasgow: Centre for the Study of Public Policy.

World Migration Report (2018). Website: www.iom.int.

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНСТРУКТ «ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТУРЕЦКИХ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ОПИСАНИЕ

Е. И. Ядченко

*Белорусский государственный университет,
4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, jadtschenko@mail.ru*

В своем материале автор обращается к проблеме изучения гибридной идентичности турецких мигрантов. Проведенное исследование выполнено в русле лингвистики дискурса и базируется на материале глубинных интервью с турецкими мигрантами, проживающими в Германии, а также скриптов телевизионных передач, ток шоу, включающих элементы интервью с турецкими мигрантами. Автор рассматривает идентичность мигранта как дискурсивный конструкт, репрезентирующий совокупность вербализованных в речи социокультурных характеристик, и предлагает возможности ее реконструкции лингвистическими методами.

Ключевые слова: дискурс мигрантов; дискурс-анализ; дискурс-категория; оценочность; значение; дискурсивное событие; коммуникативная стратегия.

DISCOURSE CONSTRUCTION «HYBRID IDENTITY OF TURKISH MIGRANTS IN GERMANY»: RECONSTRUCTION AND DESCRIPTION

E. I. Yadchenko

*Belarusian State University,
4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus, jadtschenko@mail.ru*

In this article, the author addresses the problem of studying the hybrid identity of Turkish migrants. The study was carried out as part of the discourse linguistics and is based on in-depth interviews with Turkish migrants living in Germany, as well as scripts of television programs, talk shows, including elements of interviews with Turkish migrants. The author considers the identity

of the migrant as a discursive construct representing a set of socio-cultural characteristics verbalized in speech, and offers the possibility of its reconstruction by linguistic methods.

Key words: migrant discourse, discourse analysis, discourse category, meaning, value, discursive event, communication strategy.

Философской предпосылкой зарождению дискурс-анализа как методологии социальных исследований послужила смена научных парадигм в гуманитарной области научного знания. Пришедший на смену культуру-центричному научному подходу конструктивизм рассматривает реальность как временное дискурсивное образование, формируемое в определенных социокультурных условиях в некий фиксированный период времени [1, s. 15; 2, s. 27]. В рамках такого понимания дискурс выступает как материя, фиксирующая объективное социальное знание, но в большей мере субъективное знание — коллективное мнение, суждение, оценку определенного сообщества [3, s. 38]. Иначе, социальное знание может быть получено при условии его вербальной (языковой) фиксации в виде текстов. А основным методом его изучения становится *реконструкция* с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других параметров [4, s. 47]. При этом, метод реконструкции в целом можно представить как восстановление объективной реальности на основе изучения текстов, то есть выявление того, что существовало до текста и что получило в нем отражение.

Объектом нашего исследования выступает *дискурс мигрантов*. Под ним мы понимаем совокупность дискурсов индивидов, получивших опыт социализации в нескольких культурах вследствие миграции и объединенных общей коммуникативной целью. Специфика данного дискурса заключается в его адресаториентированной природе. Иначе, дискурс мигрантов создается не сам по себе, а изначально нацелен на некоего совокупного адресата, моделируемого в сознании всех индивидов, объединенными общими социокультурными характеристиками.

На сегодняшний день турецкие мигранты представляет собой самое многочисленное национально-культурное сообщество мигрантов в Германии. На территории Германии проживает пятое поколение турецких мигрантов. В общественном дискурсе Германии о турецких мигрантах долгое время присутствовало значение «не интегрируются», «не хотят учить немецкий язык», «не владеют немецким языком», «не принимают ценности немецкого общества», «плохо образованные», «представители низкоквалифицированных профессий» и пр. [5]

В последние годы в рамках дискурса миграции активно формируется дискурс турецких мигрантов в Германии. Предпосылкой этому послужило несколько дискурсивных событий: выборы в Турции и события, связанные с запретом открытых выступлений президента Реджепа Тайипа Эрдогана перед турецким сообществом в Германии в 2018 году [6], общественный скандал, связанный с появлением в СМИ Месута Озила с Р. Т. Эрдоганом [7], а также с принятием закона о необходимости выбора турецкими мигрантами одного паспорта — ФРГ либо Турции [8]. Начинаются волнения в турецком сообществе. Немецкие СМИ быстро реагируют на данные события — проводятся многочисленные опросы турецкого населения, появляются ток-шоу, программы, в которых широко обсуждаются действия и высказывания турецких граждан, производятся попытки глубинного анализа мотивов этих действий и высказываний. На передний план выходит понятие «национально-культурной идентичности турецких граждан Германии» [9; 10]. Впервые дискурс турецких мигрантов получает такую широкую экспликацию в фиксированных письменных и устных текстах. В целом, явление и специфику дискурса турецких мигрантов можно представить в виде следующей схемы:

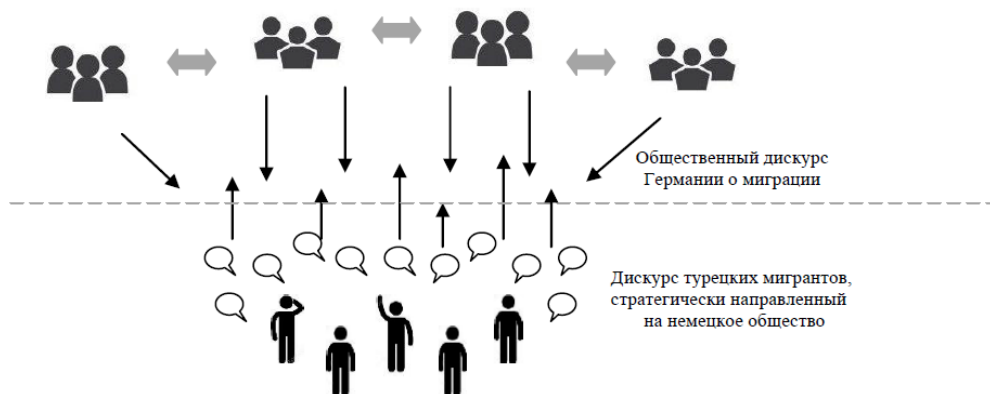


Схема 1. Механизм формирования дискурса турецких мигрантов

Источник: собственная разработка.

Материалом нашего исследования послужили интервью с турецкими мигрантами, проведенные автором в 2012, 2013, 2018 гг., а также скрипты телевизионных передач, интервью, ток шоу, появившихся на экране в период с июня 2018 г. по апрель 2019 г., комментарии в социальных сетях, направленные на обсуждение актуальных тем в СМИ [5—10].

В результате категоризации, анализа и описания собранного материала мы смогли реконструировать несколько ключевых дискурсивных мета-категорий: «Самоидентификация», «Эмоциональное позиционирование/дистанцирование», «Стратегии, направленные на немецкое общество». Данные глобальные мета-категории в совокупности позволяют описать гибридную идентичность турецких мигрантов в Германии как дискурсивный конструкт. Каждая из них демонстрирует дискурсивное позиционирование турецких мигрантов в рамках обоих дискурсивных пространств — как немецкого, так и своего национально-культурного (турецкого).

1. «**Самоидентификация**». В рамках данной дискурсивной мета-категории турецкая национально-культурная идентичность реализуется посредством дискурсивных структур «мы — турецкая семья», «я — турок по рождению», «турецкий язык — это часть меня». Турецкая национально-культурная идентичность сопряжена с чувствами, эмоциями и локализована у респондентов в области сердца (*Im Herzen fühle ich mich mehr türkisch*). Турецкая идентичность эксплицируется метафорически в образе лошади, которая «останется лошастью, даже если перейдет в стойло к коровам» (*wenn ein Pferd zu einem Kuhstall zur Weile kommt, dann ist er trotzdem ein Pferd*). Немецкая национально-культурная идентичность сопряжена с такими характеристиками как «принадлежность к Германии ввиду физического пребывания в ней из-за работы, проживания», «восприятие себя как немца родственниками в Турции», «развитие в себе европейских качеств» (*Ich bin manchmal deutscher als die Deutschen selbst*).

Вместе с тем, более широкую реализацию в дискурсе получает дискурсивная подкатегория «Синкретичная идентичность», которая проявляется в одновременном позиционировании себя обоих дискурсивных пространствах как необходимых для жизни (*Ich bekenne mich zu Deutschland, aber auch zur Türkei*). При этом турецкая идентичность эксплицируется как неотъемлемая, данная по рождению, а немецкая сопряжена с социализацией в немецком обществе как его гражданина, внесшего свой вклад в развитие экономики страны (*Auch wenn ich Türke bin, bin ich Teil dieser Gesellschaft // Ich bin ein Türke, der hier in Deutschland lebt*). Синкретичная идентичность не всегда реализуется как положительное явление, но также выступает причиной психологического дискомфорта, эксплици-

руется как необходимость «сидеть на двух стульях» (*Zwischen den Stühlen bin ich schon mein ganzes Leben*).

Однако, пожалуй, наибольший интерес в контексте межкультурных исследований постмодерна представляет дискурсивный конструкт «трансформация идентичности турецких мигрантов». Данный конструкт также реализуется при помощи нескольких дискурсивных структур. Так, структура «формирование самосознания у женщин» сопряжена с самоутверждением в профессиональном мире на руководящих позициях, формированием профессиональных амбиций (*wir sind mehr als nur Migrationskinder oder Gastarbeiterkinder*), нежеланием терпеть дискриминацию.

2. «**Эмоциональное позиционирование/дистанцирование**». Эмоциональное вписывание себя в турецкое национально-культурное пространство основывается на таких дискурсивных признаках, как национально-культурные качества — гостеприимство, равнодушие людей друг к другу внутри сообщества. Процесс эмоционального позиционирования в рамках турецкого национально-культурного пространства осуществляется посредством широкого спектра эмоционально оценочной лексики. Так, Турция определяется как «родина, которую чувствуешь» (*gefühlte Heimat*), «единственная настоящая родина» (*in der Türkei ist es einfach was anderes, weil es Heimat ist*), «место, в котором находится сердце мигранта» (*das Herz ist meist «in der Türkei»*). Турция эксплицируется как страна, где в профессиональной сфере люди человечнее по отношению друг к другу (*Die Leute sind freundschaftlicher, lebendiger // Man kümmert sich um die Leute*). Но также как страна, в которой больше шансов лучше профессионально реализовать, потому что здесь ценятся европейские профессиональные качества. Взаимоотношения респондентов с Турцией основаны на основе признака «близость, эмоциональная связь». Эмоциональное дистанцирование от турецкого пространства осуществляется на основании признаков «консервативный образ жизни» (*Wenn ich mit Türken zu tun habe, dann geht es immer ums Heiraten*), «отсутствие демократических свобод» (*weil es ganz viele Menschen in der Türkei gibt, die diese Fehlentwicklung in Sachen Demokratie genauso kritisieren*).

Эмоциональное позиционирование внутри немецкого национально-культурного пространства осуществляется посредством дискурсивных структур «Германия — моя (вторая) родина» (*meine Heimat*), «Германия — надежная страна для жизни» (*In der Türkei, zum Beispiel, habe ich mehr Angst, hier fühle ich mich wohl*), «Германия — демократическая и свободная страна» (*das sind unsere Rechte — die Meinungsfreiheit, die Demokratie*).

Транскультурное эмоциональное позиционирование реализуется в дискурсе турецких мигрантов как процесс эмоциональной привязки себя к обоим культурным пространствам — Германии и Турции (*Ich fühle mich überall wohl und ich habe nirgendwo Probleme erlebt, weil ich ein offener Mensch bin*). При этом Турция определяется как «первая» родина, а Германия как «вторая» (*die Türkei meine erste Heimat und Deutschland dann die zweite Heimat*). Однако обе идентичности не противоречат друг другу, поскольку фиксируются в разных пространствах функционально (*Auch wenn ich Türke bin, bin ich Teil dieser Gesellschaft*).

3. «**Стратегии, направленные на немецкое общество**». Данная дискурсивная категория реализуется в дискурсе турецких мигрантов как ответ на мнение и оценку о турецких мигрантах, присутствующие в общественном дискурсе о миграции в Германии. Она формируется набором коммуникативных стратегий, эксплицирующих ответ немецкому обществу.

Так, стратегия «демонстрация желания интегрироваться» реализуется в дискурсе посредством дискурсивных структур «желание получать образование», «желание работать, иметь занятость» (*selbstverständlich arbeiten und sich integri-*

eren), «желание добиться большего, чем родители» (*Klar, haben unsere Eltern gesagt, werdet nicht so wie wir.*), «желание иметь собственный бизнес» (*der Wunsch, etwas selbständig zu machen, selbständig zu arbeiten*).

Стратегия «самооправдание из-за неудачной интеграции» реализуется в дискурсе посредством ряда лексико-грамматических структур, демонстрирующих само явление успешной интеграции в немецком обществе как относительное: «если бы наши родители тогда знали» (*wenn sie sich informiert hätten*), «они же работали на фабриках среди таких же как сами» (в ответ на сохранение консервативного мышления после многих лет жизни в Германии), «нам приходится оправдываться за нашу культуру» (*Deutsch-Türken glauben, sie müssen sich dafür rechtfertigen*).

Широкую реализацию в дискурсе получает стратегия «фрустрация от неприятия в обществе как своих». На лексическом уровне данное значение эксплицируется при помощи эмоционально-оценочной лексики «люди второго сорта», «низший слой общества», «чувствовать ветер в лицо» (об ощущениях в процессе трудоустройства). Данное значение усиливается при помощи компонента значения «что бы мы ни делали» и «несмотря на пятое поколение турков в Германии». Данная стратегия находит свое логическое продолжение в коммуникативной стратегии «отчуждение от Германии». В дискурсе эксплицируется упрек немецкому обществу в незаинтересованности и равнодушии к гражданам турецкого происхождения, например, отсутствие каких-либо действий со стороны органов городского управления по украшению турецкого района к Рождеству (*Es wird hier auch zu Weihnachten nicht geschmückt, gar nichts*). Это вызывает у респондентов негативные чувства — раздражение (*mich nervt das alles*), стремление изолироваться от немецкого общества (*ich sehe meinen Platz nicht mehr hier*) и формирует желание вернуться на свою историческую родину — Турцию (*Wenn es einmal voll ist, dann sage ich auch Tschüß, ich mache es nicht mehr mit*). При этом данное желание сопряжено в дискурсе с чувством гордости за Турцию как страну, которая принимает респондентов с их национально-культурными особенностями (*Ich bin Moslem und mein Land vertritt das auch, also, meine Regierung kann mich präsentieren — so, wie ich bin*). А по отношению к немецкому обществу и к немецким политикам стратегически эксплицируется отпор принуждению к выбору одной идентичности (*Das können die Deutschen bitte von uns nicht erwarten. Auch die Politiker nicht*). Данная стратегия также вербализуется посредством эмоционально-образных средств. Так, гибридная идентичность представляется как «целое яблоко, половина которого принадлежит Германии, а вторая Турции» (*Nehmen wir einen Apfel, die Hälfte gehört hierher, die andere Hälfte gehört der Türkei*).

Принуждение к отказу от турецкого паспорта и принятию немецкого паспорта как единственного возможного вербализуется в дискурсе в образе «сердца, которое вырвали из груди, а вместо него вставили искусственное сердце» (*Das ist dann so wie «Gut, wir reißen jetzt dein Herz raus, kannst du ja gerne Ersatzherz haben, dann bist du Deutscher, bitte schön»*). В дискурсе эксплицируется призыв к немецким политикам, встать на сторону своих граждан, которыми они являются, и принимать гуманные законы (*Also, die deutsche Politik muss einfach zu den Menschen stehen, die hier leben und hier ihren Beitrag leisten*).

Таким образом, как показало наше исследование, идентичность турецких мигрантов, проживающих в Германии является гибридной, поскольку она формируется посредством двух дискурсов — как национального турецкого дискурса, так и немецкого общественного дискурса. Эмоциональное вписывание в турецкий национальный контекст осуществляется на основании признаков «эмоциональная привязка», «традиции», «культура», «принятие нас как мусульман».

Эмоциональное дистанцирование от турецкого национально-культурного пространства осуществляется на основании критериев «низкий уровень жизни», «отсутствие перспектив», «консерватизм мышления». Эмоциональное вписывание в немецкий национальный контекст осуществляется на основании критериев «пространство для жизни», «деятельность», «формирование самосознания у женщин», «формирование европейских профессиональных качеств». Эмоциональное дистанцирование от немецкого национально-культурного пространства осуществляется на основании признаков «непринятие нас как турков», «сложности карьерного роста», «граждане второго сорта». В дискурсе турецких мигрантов реализуются стратегические коммуникативные стратегии самооправдания за проблемы в интеграции в немецкое общество, демонстрация желаний интегрироваться, фрустрация от непризнания турков обществом как своих, упрек в ксенофобии и дискриминации, отпор к принуждению к выбору одной идентичности, демонстрация национальной гордости Турцией как государства, которое принимает турков такими, какие они есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Foucault, Michel. Archäologie des Wissens. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. — 312 с.
2. Jäger, Siegfried. Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. — Duisburg: DISS Studien, 2001. — 258 с.
3. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович, В. Н. Ухванов; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск: Технопринт, 2002. — Вып. 3. — 360 с.
4. Çelik, S. Grenzen und Grenzengänger. Diskursive Positionierungen im Kontext türkischer Einwanderung / S. Çelik. — Münster: Unrast, 2006. — 282 S.
5. Türken in Deutschland: Immer noch Bürger 2. Klasse? [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=jIFPjS0SeRU>>. — Mode of access: 10.09.2019.
6. Sind Türken in Deutschland ein Problem? [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=hra1MNOy7Iw&t=5s>>. — Mode of access: 10.09.2019.
7. Hitzige Debatte: Doppelpass diskutiert über Özil-Verhalten [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=E-ah7I46Gd0>>. — Mode of access: 10.09.2019.
8. Einmal Türke immer Türke? Woran Integration scheitert [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=uqoIpZQIX7k>>. — Mode of access: 10.09.2019.
9. Deutschtürken: Fremd in der Heimat [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=EjIVW-hSs_c>. — Mode of access: 10.09.2019.
10. Warum Deutschtürk*innen in die Türkei auswandern [Electronic resource] // YouTube. — Mode of access: <<https://www.youtube.com/watch?v=mpn-9kpTN-w>>. — Mode of access: 10.09.2019.